

«Paura liquida»: вещественные и предметные метафоры страха в современной итальянской литературе

А. Л. Токарева

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
TokarevaAL@mgpu.ru

Аннотация. В статье на материале корпусов итальянской художественной прозы рассматриваются образные, семантические и частотные характеристики выражений, принадлежащих когнитивным метафорам *страх – это субстанция* и *страх – это предмет*. Выявляются различия в выборе метафор для описания переживания страха, ужаса и паники, а также отдельных аспектов ситуации переживания страха. Анализируются закономерности построения авторских метафорических сочетаний, связанные со спецификой когнитивных метафор.

Ключевые слова: языковая метафора, авторская метафора, метафора вещества, предметная метафора, метафоры страха

Для цитирования: Токарева А. Л. «Paura liquida»: вещественные и предметные метафоры страха в современной итальянской литературе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 12 (880). С. 111–117.

Original article

"Liquid Fear": *Fear is a Substance* and *Fear is an Object* Metaphors in Contemporary Italian Literature

Alexandra L. Tokareva

Moscow City University, Moscow, Russia
TokarevaAL@mgpu.ru

Abstract. The article investigates the main figurative, semantic and frequency characteristics of expressions belonging to cognitive metaphors *Fear is a Substance* and *Fear is an Object* based on the extensive material of Italian fiction corpora. Differences are revealed in the choice of metaphors for describing fear, terror and panic, as well as various aspects of the *fear* frame. The patterns of creating novel metaphorical expressions associated with the peculiarities of underlying cognitive metaphors are analyzed.

Key words: conventional metaphor, novel metaphor, metaphor of substance, object metaphor, fear metaphors

For citation: Tokareva, A. L. (2023). "Liquid Fear": *Fear is a Substance* and *Fear is an Object* Metaphors in Contemporary Italian Literature. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(880), 111–117.

ВВЕДЕНИЕ

В своей книге «Текущая современность» (*Liquid Modernity*, 2000) Зигмунт Бауман, известный польский социолог, предлагает описывать современное общество, характеризующееся постоянной изменчивостью, отказом от границ и условностей и высоким уровнем неопределенности, через метафору жидкости. Переход от жестко детерминированных общественных отношений предыдущих эпох, «твердых тел» традиций и обязанностей к системе, в которой «паттерны и конфигурации больше не заданы и тем более не самоочевидны» [Бауман, 2008, с. 14], составляет суть исторических трансформаций современности. В отличие от твердых тел, жидкости с трудом и лишь временно могут удерживать определенную форму. З. Бауман рассматривает через призму этой метафоры самые различные аспекты современной жизни, о чем свидетельствуют названия его книг: *Liquid Love* (2003), *Liquid Life* (2005), *Liquid Evil* («Текущее зло», 2016). Той же диффузностью, неопределенностью, аморфностью в наши дни, как пишет ученый в вышедшей в 2006 году книге «Liquid Fear» (опубликована в Италии в издательстве «Laterza» в 2008 году под названием *Paura liquida*), характеризуется и страх. Именно поэтому в эпоху глобализации и компьютеризации так актуален поиск твердых опор, аксиологических точек отсчета [Vikulova et al., 2020].

Концептуализация страха как субстанции и предмета свойственна итальянской языковой картине мира и вербализуется целым рядом конвенциональных метафорических выражений. Однако не вызывает сомнений, что для выявления специфики столь фундаментальных для любой языковой общности феноменов, как базовые эмоции, необходимо исследовать различные типы дискурса, в которых они выражаются и описываются. Весьма перспективным в этом направлении видится изучение художественных произведений, которые «пронизаны метафорической лексикой» [Сластникова, Черкашина, 2021, с. 50]. С одной стороны, материал художественного дискурса многое дает для исследования коллективного узуса, определяемого как «способность говорящих выбирать для обозначения конкретной ситуации определенные языковые средства» [Говорухо, 2008, с. 31]. Писатель особенно тонко чувствует и отражает современную ему действительность – как экстралингвистическую, так и лингвистическую. С другой стороны, являясь одновременно и коммуникативной, и дискурсивной личностью [Викулова, 2016], автор порождает

художественный дискурс как одну из главных точек отсчета при закреплении в обществе определенных способов мировосприятия и языковых новаций.

Недостаточная изученность метафорической концептуализации эмоций в итальянском языке и художественном дискурсе обуславливает актуальность данной статьи. Ее цель – выявление лингвоспецифичности представления страха как предмета и субстанции посредством анализа конвенциональных и авторских метафорических выражений, извлеченных из корпуса современной итальянской художественной прозы. В задачи исследования входит моделирование систем метафорических выражений, принадлежащих когнитивным метафорам «страх – это предмет» и «страх – это субстанция», анализ их семантики и количественного распределения, а также выявление стратегий создания оригинальных, авторских метафорических выражений.

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СТРАХА, УЖАСА И ПАНИКИ В СОВРЕМЕННОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Анализ современной итальянской художественной прозы показывает, что именно когнитивная метафора «страх – это субстанция», в соответствии с идеями З. Баумана, оказывается одной из наиболее популярных и подвергающихся значительным трансформациям в процессе создания авторских метафорических сочетаний. Наше исследование было осуществлено методами корпусной лингвистики на материале подкорпуса художественной литературы CORIS¹ и составленного нами корпуса художественных текстов 112 итальянских авторов (произведения второй половины XX – начала XXI веков). Сплошная выборка позволила детально проанализировать употребление слов *paura* (5 796 контекстов), *terrore* (1 393 контекста) и *panico* (725 контекстов), которые были отобраны для анализа среди лексем семантического кластера «страх» в связи с тем, что они обозначают интенсивные эмоции, которые часто изображаются метафорически. Как показало дополнительное исследование, метафоры при описании эмоций низкой интенсивности встречаются значительно реже.

В результате анализа были выявлены прежде всего различия в количестве сочетаний с лексемами *paura*, *panico* и *terrore*, принадлежащих описываемым метафорам (табл. 1).

¹ URL: https://corpora.ficlit.unibo.it/coris_ita.html

КОЛИЧЕСТВЕННОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СОЧЕТАНИЙ С ЛЕКСЕМАМИ *PAURA*, *TERRORE*, *PANICO* В РАМКАХ ВЕЩЕСТВЕННОЙ И ПРЕДМЕТНОЙ МЕТАФОР

Контексты употребления метафорических выражений	<i>Paura</i> (в %)	<i>Terrore</i> (в %)	<i>Panico</i> (в %)
Число контекстов, включающих выражения метафоры <i>страх – это субстанция</i> , и их процентная доля в общем числе метафорических контекстов с данной лексемой	125 (21)	55 (17)	18 (50)
Число контекстов, включающих выражения метафоры <i>страх – это предмет</i> , и их процентная доля в общем числе метафорических контекстов с данной лексемой	162 (28)	34 (10)	30 (80)

Практически половина всех обнаруженных в корпусе метафорических сочетаний с лексемой *paura* принадлежит метафорам «страх – это субстанция» (125 контекстов, 21 % метафорических словоупотреблений) и «страх – это предмет» (162 контекста, 28 % метафорических словоупотреблений). Как показано в таблице 1, доля подобных сочетаний значительно ниже для лексем *terrore* и *panico*, которые намного чаще, нежели *paura*, включаются в состав сочетаний, восходящих к метафорам живого существа или пространства. Это можно объяснить семантическими различиями рассматриваемых лексем: *terrore* и *panico* (определяемые в словаре Vocabolario Treccani¹ соответственно как «sentimento e stato psichico di forte paura o di vivo sgomento, in genere più intenso e di maggiore durata che lo spavento» («чувство и психическое состояние сильного страха или смятения, как правило, более интенсивное и длительное, чем испуг»²) и «senso di forte ansia e paura che un individuo può provare di fronte a un pericolo inaspettato, e che determina uno stato di confusione ideomotoria, caratterizzata per lo più da comportamenti irrazionali» («чувство сильной тревоги и страха, которое человек может испытывать перед лицом неожиданной опасности и которое вызывает состояние идеомоторной спутанности, характеризующееся в основном иррациональным поведением»)) – эмоции в прототипическом случае более интенсивные, нежели *paura*. В силу этого, с одной стороны, начало и процесс их переживания чаще представляются как активные действия со стороны враждебного живого существа. С другой стороны, обретение контроля над ними затруднено, и они часто метафорически концептуализируются как пространства, в которые субъект проваливается, не находя выхода. Таким образом, свойства

эмоции являются одним из решающих факторов при выборе в художественной речи той или иной образности для ее описания как языковыми, так и авторскими метафорическими выражениями. Этот вывод представляет интерес в контексте одной из наиболее оживленных дискуссий в метафорологии: спора о природе и степени выраженности образного компонента в различных типах метафорических единиц, в котором приняли участие Д. Дэвидсон, А. Ричардс, Дж. Серль, Дж. Лакофф и М. Джонсон, М. Пранди, Н. Д. Арутюнова и другие виднейшие отечественные и зарубежные ученые. На критерии степени образности основаны многочисленные классификации метафор – от модели Ш. Балли до концепций Г. Н. Склярёвской, Э. Гоутли, Э. Дейгнан. Представляется, что даже те метафорические образы, которые в рамках многих классификаций были бы признаны «стертыми» или «угасшими», не теряют своего когнитивного потенциала, не вполне утрачивая и экспрессивный потенциал, что доказывается особенностями лексической сочетаемости слов из соответствующих сфер-источников в метафорических выражениях.

Метафора «страх – это предмет»

В терминах конкретных словосочетаний для объектной метафоры описанные количественные различия связаны прежде всего с высокой частотностью употребления языкового выражения *mettere paura* (61 контекст), обозначающего каузацию переживания страха в конкретном случае (при наличии косвенного дополнения с ролью экспериенцера) или свойство стимула внушить страх (в отсутствие такого дополнения). Сочетание *mettere terrore* в корпусе встретилось всего три раза, *mettere panico* не отмечено вовсе. Таким образом, для описания каузации индивидуального переживания ужаса и паники объектная метафора

¹ URL: <https://www.treccani.it/vocabolario/>

² Зд. и далее перевод наш. – А. Т.

практически не используется, однако она часто описывает каузацию коллективного переживания этих эмоций, реализуясь в сочетаниях с глаголами *seminare seia* (19 контекстов с лексемой *terrore* и 22 контекста с лексемой *panico*), *spargere* *passypat*, *разбрасывать*, *gettare* *бросать*.

Указанные выше семантические различия между лексемами *paura*, *terrore* и *panico* отражаются и в частоте выбора предметной метафоры для описания начала переживания страха, ужаса и паники. Если сочетания *prendere / prendersi paura* (*пугаться*, букв. 'брать страх') весьма частотны (21 контекст), то выражения *prendere panico / terrore* в корпусе не отмечены. То же касается и сочетаний с глаголом *nascondere* *прятать* (подобные употребления, хотя и с ослабленным образным компонентом, рассматриваются в итальянских толковых словарях как переносные): зафиксировано 18 случаев употребления выражения *nascondere la paura*, всего один – *nascondere il terrore* и ни одного – *nascondere il panico*, поскольку интенсивность ужаса и паники препятствует сокрытию этих эмоций.

Итак, описанные значения каузации, начала переживания и сокрытия страха выражаются в рамках объектной метафоры частотными конвенциональными сочетаниями, не подвергающимися оригинальным трансформациям. Авторское новаторство проявляется, как и для метафоры субстанции, прежде всего в выражениях, описывающих переживание страха, однако стратегии, используемые итальянскими авторами в этих двух случаях, различны. Для метафоры субстанции это в основном двустороннее расширение метафорической проекции: включение в нее новых метафорических следствий (по Дж. Лакоффу и М. Джонсону) и выражение посредством авторских метафорических сочетаний смыслов, не представленных в рамках данной когнитивной метафоры. При обращении к объектной метафоре итальянские авторы в основном эксплуатируют сочетания, акцентирующие внимание на негативном воздействии страха на экспериенцера, при этом создавая в ряде случаев метафоры-образы через уподобление страха конкретным предметам (что нехарактерно для метафоры «страх – это субстанция»). Рассмотрим эти случаи подробнее.

Предметная метафора, в отличие от метафоры субстанции, в целом практически не используется для обозначения переживания страха без каких-либо добавочных семантических компонентов: в этой функции отмечены лишь малочисленные выражения с глаголом *portarsi* (*dentro / dietro*) *il terrore / la paura* (букв. 'носить (в себе / с собой) ужас / страх') и авторское сочетание *trascinare la paura* *тащить страх*. Это объясняется

частотностью употребления сочетания *aver paura*, которое в силу широты семантики глагола *avere* и сложности разделения его значений на прямые и переносные не может быть рассмотрено как образное. Метафорические же выражения, восходящие к проекции *страх – это предмет*, обычно объединяют в себе значения «переживание страха» и «отрицательное влияние страха на экспериенцера». В ходе анализа нами было выделено две группы таких сочетаний. К первой принадлежат выражения, конкретизирующие объектную метафору и представляющие ее в виде *страх – это тяжелый предмет*, который падает на субъекта или раздавливает его: *la paura crolla addosso a qd – страх обрушивается на кого-л.*, *il terrore si abbatte su qd – ужас обрушивается на кого-л.*, *schacciato dalla paura – раздавленный страхом*, *il peso della paura – вес страха*. Данные сочетания в ряде случаев входят в состав развернутых авторских метафор, ассоциирующих «давление» страха с согбенной позой экспериенцера.

Ко второй группе принадлежат авторские выражения, сочетающие значения «переживание страха» и «неприятные ощущения в результате переживания страха», при этом второй семантический компонент в основном метафорически представляется как боль или дискомфорт в результате давления, оказываемого предметом изнутри. Это может быть неконкретизированное твердое тело, затрудняющее дыхание, или клещи, тиски (сочетания из CORIS с лексемами *tenaglia*, *morsa*). Два контекста из CORIS представляют страх как колющие предметы: иглу (*l'ago della paura*) и осколки, подобные осколкам зеркала (*i frammenti della paura*).

Метафора «страх – это субстанция»

Обращаясь к рассмотрению метафоры *страх – это субстанция*, отметим, прежде всего, другой семантический фокус выражений, входящих в нее: они описывают в основном переживание страха, а также сочетание переживания страха с переживанием других эмоций.

Интересно довольно четкое разделение выражений, относящихся к данной метафоре, на две группы: в первой страх метафорически помещается внутрь субъекта (интериоризированное изображение эмоции), во второй субъект, напротив, погружается в страх как в субстанцию (экстериоризированное изображение эмоции). В обоих случаях корпус изобилует авторскими метафорами, однако различия между этими двумя категориями состоят не только в образности, но и в функциональной нагрузке входящих в них выражений. Так, при концептуализации страха как

жидкости, окружающей субъекта, оригинальные метафорические сочетания базируются прежде всего на двустороннем расширении метафорической проекции для описания различных аспектов контроля над страхом. При использовании механизма двустороннего расширения проекции авторы создают оригинальные метафорические сочетания для передачи смыслов, не выражаемых регулярно языковыми средствами в рамках рассматриваемой метафоры. Это происходит за счет вовлечения в проекцию новых метафорических следствий: спектр возможных действий над жидкостью переносится на возможность операций над страхом, которые сводятся к обретению контроля над эмоцией или избавлению от нее. При этом только глагол *navigare* – *плыть с использованием плавательного средства (sulla paura)* – описывает контролируемое переживание страха. В остальных контекстах подобные сочетания указывают:

1) на то, что экспериенцер инертно переживает страх, не пытаясь его контролировать – сочетание с глаголом *galleggiare in un vuoto colmo di paura* – *держаться, плавать на поверхности в пустоте, полной страха (L. Trugenberger. Il risveglio dell'ombra)*;

2) на потерю контроля над страхом – выражения типа *la paura sommerge qualcuno* – *страх затопил кого-л.*;

3) на безуспешные попытки прекратить переживание страха – сочетания с глаголами *annasparsi* *барахтаться* и *annegare* *утонуть (nella paura)*;

4) на привыкание к эмоции и смирение с ней – конструкция вида *nuotare dentro la propria paura* – *плавать в собственном страхе* (три последних примера взяты из CORIS). Итальянские писатели в ряде случаев включают данные сочетания в развернутые метафоры, содержащие другие единицы с темой *жидкость*.

Метафорическая экстериоризация эмоций в рамках вещественных метафор, как показал корпусный анализ, нехарактерна в итальянском языке и современной литературе для других негативных переживаний, таких как гнев и грусть.

Интериоризированное изображение переживания страха в ограниченном числе контекстов эксплуатирует образ жидкости, пропитывающей субъекта: сочетания вида *impregnato / imbevuto / inzuppato di terrore / paura* описывают переживание сильного страха. В других случаях страх представляется как жидкость, текущая в теле экспериенцера. Здесь представлен ряд оригинальных метафорических сочетаний, которые, в отличие от группы выражений с экстериоризированной образностью, направлены не на тропеическое представление контролируемости / неконтролируемости эмоции,

а на описание ее фаз, прежде всего начала, или процесса переживания сильного страха и его интенсификации. Отметим здесь сочетания лексики *paura* с глаголами *ingolfarsi* – *образовывать залив, fluire* – *течь, spumeggiare* – *пениться, scorrere (nelle vene)* – *течь (по венам), turbinare* – *вихриться, traboccare* – *переливаться через край*. Слишком длительное переживание интенсивного страха в одном контексте представляется как замещение страхом крови и серого вещества мозга:

Ne [di paura] aveva tanta che a volte si domandava se nelle sue vene scorresse sangue o paura, se il suo cervello contenesse materia grigia o paura. Del resto erano vecchi amici, lui e la paura (CORIS). – Ero [страха] было так много, что он [герой] иногда спрашивал себя, течет ли по его венам кровь или страх, содержится ли в его мозгу серое вещество или страх. Впрочем, они со страхом были старые друзья.

В данном примере эмоциональное воздействие на читателя усиливается за счет использования несобственно-прямой речи, в которой «голос нарратора вторгается в текст персонажа» [Борисова, 2016, с. 59], но при этом частично устраняется.

Несмотря на яркость и необычность образов в подобных контекстах, чаще всего они передают значения, уже нашедшие свое выражение в языковых метафорических сочетаниях, таких как *la paura dilaga* *страх разливается*. Следовательно, можно говорить об одностороннем расширении метафорической проекции – поиске новых способов метафорической репрезентации смыслов, уже представленных в конвенциональных выражениях, принадлежащих данной метафоре.

Интересны возможности совмещения описанных противоположных типов образности, предлагаемые частотным выражением *pieno di paura* *полный страха*. В наиболее распространенных контекстах типа *Myriam era scattata in piedi, piena di paura* *Мирям вскочила на ноги, полная страха (V. Evangelisti, Il castello di Eymerich)* страх метафорически наполняет субъекта. Однако возможны и сочетания с лексемами *mondo mio*, *vuoto vuoto*, в которых страх представляется как субстанция, заполняющая пространство, в котором находится экспериенцер. Отдельный случай представляют выражения с обозначениями времени, основывающиеся на его метафорическом представлении как пространства:

Quella frazione di secondo piena di incertezza e di paura (CORIS). – Та доля секунды, полная неуверенности и страха.

В нашем корпусе отмечены подобные сочетания с лексемами *notte ночь* и *tempo время*, которые описывают страх как внешнее по отношению к субъекту и часто коллективное явление.

Выражения, описывающие одновременное переживание страха и других эмоций (прежде всего гнева, возбуждения, надежды) как их смешение, многочисленны, но вполне конвенциональны. Это номинативные сочетания с лексемами *misto* и *miscuglio смесь*, адъективные сочетания вида *paura mista а страха, смешанный с*, а также конструкции с глаголами *mescolarsi, mischiarsi смешиваться, fondersi сливаться*. Внезапность и интенсивность переживания страха, свойственная панике, препятствует одновременному переживанию других эмоций, поэтому подобных сочетаний с лексемой *panico* в корпусе не обнаружено.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье был рассмотрен ряд речевых реализаций метафор *страх – это субстанция* и *страх – это предмет* в современной итальянской литературе. Принадлежащие им выражения имеют различные функции: первая метафора чаще всего используется для описания различных аспектов непосредственно переживания страха и контроля над ним, тогда как вторая описывает начало или каузацию переживания страха, а также его сокрытие. Представляется, что на переживание страха указывает мало объектных метафорических выражений, потому что предмет – нечто неподвижное, соответственно, плохо подходящее для

описания характеризующихся временными рамками процессов. Можно вновь обратиться к метафоре, предложенной в этом отношении З. Бауманом: «В каком-то смысле твердые тела отменяют время; для жидкостей, напротив, имеет значение прежде всего время» [Бауман, 2008, с. 8]. Вероятно, именно поэтому в пределах объектной метафоры указание на переживание страха почти всегда сочетается с другими семантическими компонентами. В результате анализа метафоры субстанции были выявлены выражения, в основе которых лежит образная интериоризация и экстериоризация страха, а также продемонстрированы различия в стратегиях авторского новаторства.

Корпусный анализ показал, что семантика лексем *paura, terrore* и *panico*, обозначающих эмоциональные состояния разной интенсивности, обуславливает преимущественный выбор для их описания тех или иных концептуальных метафор, выражающийся в частотности употребления соответствующих метафорических сочетаний. Этот факт свидетельствует о том, что метафорическая концептуализация эмоций в литературе отражает в большинстве случаев не индивидуальное мировидение автора, выполняя сугубо эстетическую функцию, но имеет глубокие, подчас неосознаваемые когнитивные основания, подчиняясь характерным для языковой общности особенностям мировосприятия. Мысль писателя следует закрепленным в языке метафорическим проекциям, которые в ряде оригинальных контекстов претерпевают одностороннее или двустороннее расширение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бауман З. Текущая современность. СПб: Питер, 2008.
2. Vikulova L. G. et al. Retrospective semiometrics of the sign valeur / L. G. Vikulova, E. G. Tareva, S. A. Gerasimova, V. A. Rayskina, E. F. Serebrennikova // XLinguae. 2020. Vol. 13. № 1. P. 169–183.
3. Сланикова Т. В., Черкашина Е. И. Цвет и цветообозначение в лингвистических исследованиях. М.: Языки народов мира, 2021.
4. Говорухо Р. А. Типы клаузуального сочинения в итальянском и русском языках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: Языки и специальность. 2008. № 5. С. 31–39.
5. Викулова Л. Г. Французский литератор XVII века: энциклопедическая доминация, лингвистическая компетенция, коммуникативное лидерство // Древняя и Новая Романия. 2016. № 17. С. 266–278.
6. Борисова Е. С. Формальные способы устранения голоса нарратора в итальянской художественной прозе // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2016. № 1(21). С. 54–60.

REFERENCES

1. Bauman, Z. (2008). Tekuchaya sovremennost' = Liquid Modernity. St Petersburg: Piter. (In Russ.)
2. Vikulova, L. G. et al. (2020). Retrospective semiometrics of the sign valeur. XLinguae, 13 (1), 169–183.

3. Slastnikova, T. V., Cherkashina, E. I. (2021). Tsvet i tsветоoboznachenie v lingvisticheskikh issledovaniyakh = Color and color naming in linguistic studies. Moscow: Yazyki Narodov Mira. (In Russ.)
4. Govorukho, R. A. (2008). Clausal Coordination Types in Italian and Russian. RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices, 5, 31–39. (In Russ.)
5. Vikulova, L. G. (2016). The Writer in the French Society of the 17th Century: Encyclopedic Domination, Language Competence, Communicative Leadership. Drevnyaya i Novaya Romaniya, 17, 266–278. (In Russ.)
6. Borisova, E. S. (2016). Formal Modes of Cancelling the Narrator's Voice in the Italian Fictional Prose. MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education, 1(21), 54–60. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Токарева Александра Леонидовна

кандидат филологических наук

доцент кафедры романских языков и лингводидактики Института иностранных языков

Московского городского педагогического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tokareva Alexandra Leonidovna

PhD (Philology)

Associate Professor at the Romance Languages and Linguodidactics Department

Institute for Foreign Languages, Moscow City University

Статья поступила в редакцию	11.08.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	12.09.2023	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2023	accepted for publication